

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Новогодние сказки

Посвящается Жоре Крыжовникову, если он читает этот сайт.

В начале января 2008 года, когда новогоднее похмелье уже понемногу отпускало своих жертв, в одном из отелей Питера собрались трое.

Все они были френдами с Форума Любителей Секса, решившими развиртуализироваться и сообща отметить Новый Год.

Специально для этой цели была организована Жанна, красавица-блондинка с сиськами, как у райской птицы. Один из френдов вызвался добыть девчонку на троих, уверяя, что другой такой они не найдут. Он был прав: Жанна оказалась не только ебливой блядью, но и весьма душевной собутыльницей.

Когда три сорта спермы впитались в ее бездонные недра, френдов потянуло поговорить, и Жанна, малиновая от трехчасовой ебли, пришлось для этого дела как нельзя кстати.

Компания подобралась образованная, интеллигентная, и Жанна удивляла мальчиков, подхватывая любую тему. Она одинаково легко говорила о Булгакове и о Фрейте, о «Лолите» и о «Темных аллеях», элегантно шутила, каламбурила, и мальчики казались себе и друг другу умными, свободомыслящими мачо — цветом русской интеллигенции.

Увы, вскоре Жанна засобиралась домой. Она и так пересидела с ними целых сорок минут сверх оплаченного, не требуя домазатать, и никаких других вариантов не было.

— Дааа, — сказал один из френдов, Юрик, когда за Жанной хлопнула дверь. — Ай да девка. Настоящая гейша. Не знал, что у нас такие есть.

— Ага. — отозвался другой, Серега. — Респект Мишане. Где ты откопал такой раритет?

— Вот так вам все и расскажи, — гоготнул Мишаня.

Мальчики помолчали.

— Дааа, — снова сказал Юрик. — Жаль только, что шлюха.

— Чего это?

— Молодая, талантливая, умная… Красивая.

— … Дорогая, — продолжил Серега.

— Нууу. По работе и плата. Да и тыща баксов на три рыла — не так уж дорого.

— Бедный Юрик, а ведь ты прав, — согласился тот. — Такая девушка… и вынуждена сосать хуи богатым мудакам.

— Пааапрашу не обобщать!

— … а могла бы хоть в бизнес, хоть в науку, хоть на подиум… Хоть в журналюги… Ту же Собчак заткнула бы себе за сиськи. С головой.

— Эх, жисть-жестянка… Нет справедливости на свете, Мишаня. Нету ее. Давай, что ли, хлопнем еще по горькой, а? За справедливость?

— А чего хлопать, коли ее нету?

— Ну, чтоб была…

Хлопнули.

Помолчали, прислушиваясь, как водка растекается по ватным телам.

— Справедливости нет, это факт. А вот любовь есть, — сказал Юрик.

— Любовь?

— Ага. Хотите историю?

— Валяй.

— Только с уговором, ладно?

— С каким таким уговором?

— А вот с каким. Пусть каждый из нас расскажет историю про настоящую любовь. Не трах-перетрах, а именно про настоящую. А потом мы все вместе решим, чья история лучше, и победителю; ну, не знаю. Скажем, вернем его долю за Жанну. Идет? Только чур не брехать!

— Идет, бедный Юрик. Начинай.

— Ну;

Юрик прокашлялся, сёрбнул водки, прокашлялся снова — и начал.

1.

— В некотором царстве, в некотором государстве жила-была прекрасная царевна-лягушка. Звали ее Анечкой, и было ей 35 лет. Как для царевны — возраст немаленький;

— И как для лягушки тоже.

— Заткнись, Мишаня; Итак, царевна наша была вполне обыкновенной лягушкой: работала в обычной школе, растила двух обычных дочерей-двойняшек, бегала по обычным магазинам и, увы, не имела мужа. Даже обычного.

Никто не знал, был ли он у нее в природе хоть когда-нибудь.

В общем, все в ней было обычно, кроме одного: внешности. Даже завидующие бабы — тетя Клава и тетя Софа, соседки по этажу, — не давали ей больше двадцати семи лет. От силы двадцать девять. Время забыло про Анечку, и в какой-то момент она просто перестала стареть.

Теткам было тем более завидно, что Анечка, казалось, делала все для того, чтобы превратиться в швабру: не красилась, таскала тяжелые авоськи; ну, и так далее. А повадки у нее так и остались девчоночьи. Она щурила глаза, шмыгала носом, ходила быстро, глядя в пол, носила русый хвост и одевалась только для того, чтобы не мерзнуть и не стыдиться.

Любая женщина отнеслась бы к такой, понимаете ли, вечной юности, как к дару, за который нужно благодарить небо и землю. Но Анечке казалось, что все считают ее пацанкой, писюшкой малолетней. Да так оно, в общем-то, и было. Бабы третировали ее, как могли, а Анечка наша копила обиду.

Долго ли, коротко ли; Устроили однажды в Анечкиной школе новогодний концерт. И там должны были выступать ее двойняшки — Роза и Лилия. Дело было как раз 31 декабря.

Из какого-то хозяйственного отчаяния Анечка не осталась послушать собственных чад, как те выводят под фанеру «Хэппи Нью Йи-и-ир», а отправилась домой. Готовить, драить и отшкребать.

Возле сцены ее стопорнул какой-то парень:

— Слушай, лапуся. Понимаешь, такое дело: забыл удлинитель. Будь человеком, сгоняй в подвал к завхозу. А мне тут надо все подключить, настроить; ну, сама понимаешь. Ты из какого класса такая красивая и грустная? 11А? Бэ?

Это было, как говорится, последней каплей.

— Хам! — орала Анечка, покрываясь ядовитой испариной. — Какая я вам лапуся? Что за фамильярность? Я, между прочим, секретарь приемной! Я; я;

И убежала в слезах.

Хам смотрел ей вслед, почесывая затылок, а Анечка проплакала весь вечер.

Как нарочно, двойняшки не отвечали, салаты не резались, курица не варилась; Да еще и отключили воду. Правда, ее тут же включили, но Анечка все равно треснула кулаком по раковине, набив синяк.

«Какая дура», — скулила она. — «Боже, какая дура. Как стыдно»;

Наконец на двадцать пятом звонке Лилия сняла трубку.

— Это что такое? — орала Анечка. — Лилька, ты чего не отвечаешь, а? Я что, должна тут с ума сходить, да?

— Мам, это я, Роза. Ну не волнуйся ты так; Мы на концерте были, щас идем уже домой;

— По темноте? Одни? Знаешь, сколько бандюков кругом?

— Не волнуйся, ма. Не одни. Нас; эээ; нас Паша провожает.

— Паша? Какой еще Паша?

— Это такой очень классный и положительный парень. Не бойся, ма;

— Час от часу не легче. Рано вам еще с положительными;

— Все, мам, тут дорога шумит, не слышно. Мы скоро будем. Цем!..

Через полчаса злющая Анечка открывала им двери.

— А шапки? Шапки где? Лысыми хотите быть? Сколько раз говорила: такие волосы, как у вас — подарок, на него молиться надо. А вы; А это кто?

— Можно? — из коридора выдвинулся мужской силуэт. — С Новым Годом, Анна Владимиро;

Роза и Лилия, раскрыв рот, смотрели, как их мама с Пашей прожигают друг друга взглядами.

— Эээ; мам, это Паша. Он нам только анимешку сбросит, и все, не бойся, он не навязывается; А вы что, знакомы?

— Анимешку? — скривилась Анечка, выждав паузу. — Японские глазастые мультики для даунов?

— Почему для даунов? Не для даунов, а для хамов. Прошу не путать, — медленно произнес Паша.

Анечка величественно молчала.

— Давай-давай, Паш, — шептали ему двойняшки. — Скидывай быстренько — и делай ноги. Не видишь, что ли?

Они утащили его в комнату. Анечка, всхлипнув, ушла на кухню — воевать с курицей.

Вскоре к ней постучали.

— Анна Михайловна! Анна Михайловна!..

— ? — спросила она взглядом, впуская Пашу.

— Анна Михайловна! Я вот ухожу; Хотел сказать вам «до свиданья», и; извиниться. Так неловко получилось;

— Владимировна, а не Михайловна.

— Ой; Извините; Я; вы; вы не думайте; Это только потому, что вы такая красивая девушка, Анна Мих; Владимировна;

— Девушка?

— Ну да; Я не хотел вас обидеть. Вы действительно такая красивая; и так молодо выглядите, что я принял вас за школьницу.

— Школьницу? А школьницам хамить можно?

— Анна Владимировна! Я же извинился. С Новым Годом вас!

— Спасибо, Павел; как вас там?

— Да ладно. Просто Паша.

— Итак, Просто Паша; У вас есть с кем встречать Новый Год?

— Выпроваживаєте, стало быть.

— Стало быть, да.

— А можно у вас спросить одну вещь?

— Только если одну.

— Почему у вас такой характер, Анна Владимировна? Почему вы такая красивая — и такая злючая, как оса?

— Характер? Значит, это у меня характер? На себя посмотри!..

— Посмотрел. Понравилось. А вам нет?

— Нет!

— Еще посмотри.

— Нет!!! Уйди!!!

— А так?

Паша вдруг ухватил Анечку и, сжав в стальных объятиях, присосался к ее рту.

Анечка извивалась и хрипела. Рука ее, нащупав нож, взметнулась над Пашей, который все видел, но не прекратил поцелуя, — и, зависнув над ним, бессильно повисла.

Поцелуй длился минуту или больше.

— С Новым Годом, — хрипло сказал Паша, когда оторвался от нее.

Анечка хотела дать ему пощечину, но рука опять взметнулась и повисла.

— Бей. Чего ты? Бей, — говорил Паша, наступая на нее. — Бей! — и вдруг резким движением распахнул на ней халат.

Анечка завизжала.

— Не кричи. Они «Сейлор Мун» смотрят. Все равно не слышно;

Он щупал ее, как свою собственность, возбуждал ей соски, которые сразу встали торчком, и мял ей все тело, отвыкшее от прикосновений. Потом стянул халат прочь.

— У тебя супер фигура. Давай.

Голая Анечка потрясенно смотрела на него.

— Давай, говорю. Вот так, вот таааак, — он нагнул ее, и Анечка встала раком, закрыв глаза. — Вот таааак, — приговаривал Паша, массируя ей промежность, которая сразу выпятилась кверху. — Давно не трахалась девочка, давно; Течет, ой как вкусно течет, — он лизнул серединку пизды, потом еще и еще.

Анечка стонала, покачиваясь из стороны в сторону.

— А теперь держись.

Он расстегнул штаны и с размаху влетел в нализанную пизду.

— Вот тебе! Вот тебе! — приговаривал он, смачно шлепая по звонким бедрам. Раздавался звук, похожий на выстрел. — Ииэх! Иииэх! Ииииэх!

Из Анечки рвался волчий вой — вначале порциями, а потом непрерывно, набирая силу, как самолет на взлете.

Вскоре она надрывно выла и бодала головой паркет. Паша с силой ебал ее, вгрызаясь пальцами в бедра; потом нагнулся и обхватил сиськи, мотавшиеся без дела. Анечка заголосила, как на родах, и вместе с Пашей повалилась на пол;

— Дети услышали, — сказала она сквозь стон, когда смогла говорить. Звук мультика прекратился, и за стеклянной дверью угадывались две тени. — Как я теперь выйду?

— Они будут только рады за тебя, — жестоко сказал Паша. — Сколько у тебя секса не было?

— Давно… Интересно, насколько ты меня младше?

— Мне двадцать три. А тебе двадцать… семь? Двадцать восемь?

— Ну да, и дети восемнадцати лет. В четырнадцать и родила.

— Что, серьезно?..

Вместо ответа Анечка положила руку ему на яйца.

Паша, сглотнув, припал к ее груди и долго сосал, причмокивая от жадности. Потом стал ебать Анечку прямо на полу, впечатывая быстрыми движениями ее дрожащие бедра в паркет. Анечка извивалась под ним, как гусеница, и шептала сквозь стон:

— Детей… отгони…

Через полчаса они вошли к двойняшкам.

Те чинно смотрели мультик, делая вид, что и не отходили от компьютера, и изо всех сил старались не переглядываться и не хрюкать.

— Дорогие дамы, — торжественно возгласил Паша. — Анна Михайловна разрешила мне встретиться с вами Новый Год. Предлагаю прямо сейчас всем посмотреть «Сейлор Мун»!

— Урааааа!!! — завопили двойняшки.

— Владимировна, — сказала Анечка…

Прошло полгода.

Однажды тетя Клава и тетя Софа проводили, как обычно, утренний симпозиум на лестничной клетке:

— А Анютку-то видели, Анютку?

— Видела, конечно. Совсем рехнулась со своим новым-то.

— Ага. Он моложе ее лет на сорок… ну, на десять, — поправились тетя Клава, встретив тети-Софин взгляд. — Пацан, школу еще не кончил.

— А с волосами что сделала? Вы видели, Клавдия Семённа?

— Видела, видела. Глаза б мои не видели! Такой хвостик был красивый, русый, почти до пояса… Мало того, что обрезала под горшок, так еще и выкрасила в зеленый цвет. Как кактус ходит, прости Господи!

— Ладно еще себе, а детям!..

— Ой, и не говорите. Такие волосы у девочек были — загляденье! Русалки, да и только.

— Я даже во сне видела, как парикмахер режет им косы, а потом мажет бедные головки этой дрянью. Чуть не плакала.

— Одна теперь сиреневая, а другая розовая, как не хочу говорить что. Страх Господний!..

— Это они мультиков этих насмотрелись китайских…

— Вьетнамских.

— Ой, да неважно! Все равно узкоглазые. Хахаль им носит. Как околдовал всех…

— А что? С него станется. Ладно еще он, и девочки… так и мамаша впала в детство!

— Ой, не говорите, Софья Абрамна! Ходит с ним и с девочками по дискотекам. Посмотришь на них — ну ни дать ни взять куча подростков. Одноклассники. И хахаль, и мама, и дочечки…

— А одевается как! Попугай гималайской!

— И дочки туда же. Сама вырядится чучелом, и дочек вырядит. Прямо как эти…

иноплинотяне. Я вот кино видела, зять ставил…

— Из школы уволилась, представляете, Клавдия Семённа? Какие-то там шоу устраивает вместе со своим хахалем.

— Одних шмоток вон сколько накупили! Видать, денюжки завелись.

— Тут дело нечисто, я вам так скажу…

— Здравсьте, Клавдия Семённа! Здравсьте, Софья Абрамна! — поздоровался Паша, подошедший сзади.

— Здравствуй-здравствуй, Пашенька, — приветливо заулыбались соседки, развернувшись к нему. — Что, уже домой?

— Да нет, забыл кое-что. Жена там одна утренник тянет, а я за удлинителем…

Они до сих пор вместе. Анечка по-прежнему зеленая, Лилия лиловая, а Роза, соответственно, розовая.

Двойняшки уже пооканчивали вузы и собираются замуж. А у Анечки с Пашей — маленький мальчик Эндимион. Родители хотят, когда он подрастет, выкрасить ему волосы в лилово-черный цвет…

— Дааа… — протянул Серега, когда Юрик закончил.

— Истооория, — сказал Мишаня, и потом добавил: — Зачотная.

— Эх! Люблю такие, — крикнул Серега. — Ее на нашем форуме надо толкнуть.

— Да ну! Не оценят.

— Почему это?

— А то сам не знаешь. У нас любят, чтобы всякие там киборги трахали суккубов. Ну, или эльфиек, на худой конец. Чтобы гоблин кончал эльфийке в жопу, а лепрекон в пизду.

— А Темному Властелину чтоб отсосала.

— Ага…

— Ладно, козлятушки-ребятушки, — сказал Серега. — У меня для вас тоже кое-что есть.

— Валяй, дядя Серега!

— Валяю. Итак…

2.

Это было с одним моим другом. Назовем его… ну, хотя бы Васей.

Привелось ему, Васе то бишь, воевать в Чечне. Был он кадровым офицером, и по должности своей попадал в немерянное количество передраг. Чего он там повидал — рассказывать не буду, не новогодний это рассказ.

Однажды вычищал наш Вася очередной моджахедский гадюшник. И, когда вычистил, обнаружил среди прочих пленных девочку Айгуль. Девочка плавала в луже собственной крови, а рядом с ней плавали ее собственные руки и ноги, отрезанные под корень. Самое хуевое то, что она была в сознании. Бывает иногда такое — болевой шок не срабатывает.

Извиняйте за чернуху, мужики. В общем, то ли удача повернулась к ней, то ли Аллах для нее чудо сотворил — но выходили девочку врачи, дай им Бог здоровья. Выжила она. Вот только непонятно, зачем.

Родителей ее убили те же моджахеды. Не было у нее никого, вот просто никого. А у нее не было ни рук, ни ног. Даже обрубков не было — одно только туловище, и из него растет самая красивая и нежная голова, которую наш Вася когда-либо видел в своей жизни.

В общем, взял ее Вася к себе. Подмазал кому-то, и числилась она как бы в детском доме, а на

самом деле жила у него. Ей тогда было 18 лет.

«Взял к себе» — это так просто звучит, будто завел собачку. Она ведь ничего сама не могла. Ни-че-го. Только говорить, да плакать, да спать. Васе пришлось уволиться в запас и проедать бабки, нажитые на войне. Все, абсолютно все надо было делать за нее. Потом, когда Гулька уже научилась кушать и двигаться сама (она ползала, как червячок, по квартире), он стал пробавляться всяким немудреным бизнесом.

В общем, переквалифицировался наш Вася из вояки в няньку. В этой ситуации, как понимаете, у Гуленьки никаких секретов от него не могло быть. Не только покормить с ложечки, поносить туда-сюда, но и пописать-покакать, и попку помыть, и пипку, и все тело, и тампончик вставить… Все это Вася делал, как миленький, каждый Божий день, с утра до ночи. Это уже потом она научилась и ползать, и даже по мобиле говорить (ртом как-то брала ее). А тогда…

Естественно, он хотел удочерить ее. Но пока суд да дело… знаете, какая волокита у нас со всем этим? Плюс взятки надо было давать чинушам, чтоб они застряли у них в заднем проходе… Плюс — он же привязан к ней, отойти может максимум на полдня, — нехорошо ведь девочку в памперсе держать…

В общем, пока то да се, ей уже исполнилось восемнадцать. И тут Вася крепко задумался. Дело в том, что наша Гуленька, наш червячок, сверточек… она как грудной младенец была — полметра с головкой… дело в том, что головка-то у нашей Гуленьки выросла такая красивая, что хотелось прямо умереть на месте, если долго смотреть. Конечно, Вася ничего такого себе не позволял, хоть и вынужден был каждый день обмывать ее, голенькую, во всех ее тайных местах. Он держал себя в руках железно, как ствол… пока ей не стукнуло восемнадцать.

Не знаю, как у них все это было, но очень скоро они сыграли свадьбу.

Я понимаю, что со стороны оно выглядит, как «вот, типа, герой-альтруист, весь такой жертвенный, отдал жизнь несчастному инвалиду, но ничто не бывает бесплатно… ясное дело — в награду он трахал эту девочку, а у нее просто не было другого выбора, кроме как подставлять ему свою пизду, которую он давно уже знал до последней загогулилки…»

Я сам так думал.

«И при чем тут, — скажете вы, — настоящая любовь?»

Дело в том, что…

Ну, во-первых, я видел их. Много раз. Видел, как они общаются, как он ее держит, целует, как смотрит… Он ее носил на дискотеки, и там ставил на стол и прыгал с ней, вытягивая руки вот так вот, а она визжала, как все девки… На речку ходил с ней, плюхались там… Волосы — они у Гуленьки были длиннее ее самой раза в четыре — он ей заплетал в такие прически, что чокнуться можно было. Научился сам красить ее, делал ей шикарный макияж, потом приноворился фоткать, да так, что и не было видно, что она инвалид. Супермодель, и все.

А еще…

Понимаете, мужики… Короче, мое окно было прямо напротив Васиного. А у меня было хорошее стекло. Ну, подзорная труба.

Не то что я вуайерист, но…

Я много чего там видел. Они ТАКОЕ вытворяли…

Например, Вася ставил какой-нибудь фильм. Эротический. Ну, не порнушку, а мелодраму — с красивым нежным трахом. И под это дело ласкал и ебал Гуленьку, но не просто ебал, а рассказывал ей всякие штуки; Называл ее, как героиню фильма, говорил ей — «Анжелика, ты меня гладишь по спине; ах, какие у тебя нежные пальцы; а я ласкаю тебе ножки, касаюсь язычком внутренней стороны бедра; « — и лизал ей культю, чувствительные до охуения. Новые эрогенные зоны, между прочим;

Короче, он внушал ей во время секса, что у нее есть руки и ноги. И Гуленька воображала себя героиней любимого фильма, закрывала глаза, слушала, что Вася ей говорит, отдавалась его ласкам — и чувствовала себя полноценной женщиной. От этих ролевых игр она ну просто светила! Никогда не забуду, как он трахал ее, а она мотылялась под ним, как флаг на ветру, и улыбалась так, что; никогда не забуду эту улыбку.

Кроме этой игры, у них были и другие. Об этом так просто и не расскажешь; Ну, например, Вася привязывал ее к стулу и оставлял с вибратором в пизде, а сам уходил в другую комнату. Гуленька извивалась, как червяк, а он потом возвращался с банкой варенья и поливал ей голову, сиськи и все ее крохотное тельце, и потом вылизывал ее с ног до головы, а она кончала, захлебываясь вареньем;

Под Новый Год он поливал ее шампанским. Лил прямо в пизду, а потом в рот, и потом лизал. Или он защемлял ей соски прищепками сквозь вату, потом брал ее, голую, вниз головой — и тряс, как мешок. Смоктал ей пизду, потом подбрасывал вверх, ловил за бедра, лупил ее по попке, по культям, по сиськам; Несильно, конечно. Показывал ей, что она беспомощная, что она вещь, игрушка;

Может быть, за такие игры его и упекли бы под суд. Но только я знаю, что Гулька от этих мучений пускала фонтан до потолка. Даже страшно представить, что чувствует человек, который ТАК кончает;

Они до сих пор вместе. Это самая счастливая пара, которую я знаю;

Сергеа замолчал.

Молчали и Мишаня с Юриком, пуская дым под потолок.

Затем Юрик протянул:

— Дааа, дядя Серега; Никогда не думал, что в тебе откроются такие, эээмм, наклонности. А почему тебя, скажи на милость, никогда не видно в разделе «Наблюдатели»? Должно ж быть самое твое!..

— Стоп, — сказал Мишаня. — Если ты смотрел на них в подзорную трубу — как ты слышал, что он там ей шептал?

— Ну, — ответил Серега, — я это; Я под окном их когда-то проходил. Они на первом этаже живут. Ну, и слышал;

— Ты еще и под окнами подслушиваешь? Капец, какие порочные юзеры съехались в славный град Петроград; Так, пацаны, а теперь слушайте мою историю. У меня уж точно все правда, зуб даю.

— А у меня не точно? — спросили хором Серега с Юриком.

— Это вам видней; Слушаем?

3.

Короче, дело было так. Один мой друг — допустим, Виталик, — в ранней юности был совершенно никчемным типом. Никто его не любил, не трахал и не уважал. С ног до головы

он представлял из себя одни сплошные кости, покрытые вялой шкурой неопределенного бледного цвета. Девки на него смотрели, как на какашку в смокинге. Да и сам он смотрел на себя примерно так же.

И — в общем, решил этот самый наш Виталик с большой безнадёги сойти, тксзть, на путь порока. Проще говоря — взял да заказал себе под Новый Год шлюху. По интернету. Маме сказал, что отмечает с друзьями, а сам снял номер в «Пушкине».

Само собой, наш Виталичка был тогда махровым девственником. И, само собой, пересрал так, что три пары штанов поменял, пока ждал свою честно купленную ненаглядную. И, само собой, до последнего надеялся, что та не придет.

Но она пришла. И оказалось не просто молодой и красивой. Она оказалась еще и совсем непохожей на шлюху. Она оказалась гораздо меньше похожей на нее, чем большинство девок, которых знал Виталик. То ли он как-то неправильно представлял шлюх, то ли что…

Одним словом, произошло то, чего Виталик ждал меньше всего. Стоило ему пообщаться с ней две минуты — и он уже думал, что влюблен в нее по самые яйца.

— Ты чего так смотришь? — спросила шлюха. — В первый раз, да?

Виталику ничего не оставалось, кроме как признаться.

— Ну вот и славно. Значит, сделаем так, чтобы это был настоящий праздник, — обрадовалась она. — Шампусик есть? А свечи?

— Анальные?

— Да при чем тут!… Обычные.

Она зажгла свечи, выключила свет и подошла к Виталику, дрожащему, как осиновый лист.

— Что, и не целовался никогда?

Виталик мотнул головой.

— Вау… Ну, давай срочно исправлять.

Люба (так звали шлюху) подошла еще ближе. Виталик покрылся холодным потом…

— Не бойся. Я все сделаю, как надо… Ммм… Ммммм… Нравится?

Ее пальчики окутали нашего мачо тончайшим кружевом ласк, а язык, нежный, как дыхание, вначале прошелся по его дрожащим губам, а потом проник в обалдевший рот Виталика и вымыл его сладким женским ядом…

— Не спеши, — говорила Люба Виталику, обжигая его своим телом,

— не торопись. Первый раз — самый горячий, и пусть он будет таким…

Она взяла его член в рот, и через минуту Виталик орал, выпучив глаза.

— Ого. Я чуть не лопнула, — сказала Люба, когда все проглотила. — А теперь идем в постель — и делай со мной все, что захочешь. Я вся твоя.

Виталик наслаждался этим розовым счастьем целых полтора часа. Он излизал его, когда перестал стесняться, во всех местах — даже там, где Любу еще никто никогда не лизал. Он окунул ее в такой водоворот кипучих щенячьих ласк, что она возбудилась не на шутку и хрипела, запрокинув голову:

— У меня такое впечатление… что это я тебя заказала… а не ты меня…

Он так уморил бедную жрицу любви, что та кончила от траха в попку и уснула в его постели.

Виталик долго любовался Любой, улыбавшейся во сне, как ребенок.

Ему хотелось реветь. Пришла полночь, Новый Год… Он выпил полный фужер, так и не решившись разбудить Любу. Несколько раз он порывался поцеловать ее, но не поцеловал. Потом взял ее туфли и тщательно вымыл их в ванной. Потом сгреб ее белье и долго нюхал

его, как токсикоман. Потом

Потом Люба ушла.

Перед этим Виталик признался ей в любви.

Он долго говорил ей, запинаясь, о том, что она сама не понимает, как она удивительна, что он готов для нее на все, и

— Вот смешной, — отвечала ему Люба. — Ты впервые в жизни переспал с девушкой и решил, что влюбился, да? Ты думаешь, что сейчас переубедишь меня трахаться за деньги, и мы будем с тобой жить долго и счастливо? Ну ладно, давай поговорим. Ты знаешь, зачем я стала шлюхой? Чтобы заработать на учебу. Я хотела стать психологом. Вкалывала, как лошадь, но не могла насобирать. И подружка уговорила: «Попробуй пару раз, не понравится — прекратишь». Я попробовала. Мне не понравилось. Если бы ты знал, как мне не понравилось! Но не прекратила до сих пор. Меня никто не заставляет, Виталичка, мой хороший. Я сама делаю это, по своей воле. Я заработала на учебу, поступила в универ, проучилась год и бросила. И теперь занимаюсь только этим. Непоследовательно, да? Я не смогу бросить это, Виталик. Я не могу без этого. И то, что ты думаешь, ты не влюбился в меня. Это просто гормоны. Ты мне очень понравился, но вот тебе на прощанье, — она глубоко, с присосом поцеловала его.

Виталик умолял, умолял ее, бухнулся на колени и вымолил-таки телефон.

— Ничего не обещаю, — сказала Люба. — Не знаю, зачем я тебе его дала.

Три дня она не брала трубку. На четвертый взяла:

— Ну знаю я, что это ты, знаю. Зачем столько звонить?

Еще через три дня Виталик гулял с ней по Летнему саду.

Они стали встречаться — вначале раз в неделю («ну некогда мне, поверь, Виталька»), потом все чаще.

Их встречи были похожи на школьные свидания — чопорно, под ручку, и ни слова о запретном. Они вели бесконечные беседы обо всем на свете. Вскоре Виталик не знал, что ему дороже: эти беседы или надежда на секс.

Надежда, кстати сказать, вскоре оправдалась. Как-то раз мамы Виталика не оказалось дома. Виталик отвернулся, чтобы найти и поставить Любе любимую музыку, а когда развернулся — уронил диски.

— Я не могу так, — оправдывалась голая Люба. — Видишь каждый день парня, трогаешь его, говоришь с ним — и не трахаешь. У тебя с тех пор никого не было?

В этот раз все было иначе (исключая Виталькин холодный пот).

— Ты думаешь, я тебя развлекаться пригласила? — говорила ему Люба, укладываясь под него.

— Буду учить тебя настоящему сексу. Бесплатно, не бойся. Урок первый: как возбудить девушку, если она! Хотя нет, щас я уже сама возбудилась!

Эти уроки бывали все чаще — вначале дома у Виталика, а потом и у Любы.

— Смирись с тем, что я трахаюсь, кроме тебя, еще с целой толпой мужиков, — говорила ему та. — Смирись раз и навсегда. Сможешь смириться — буду с тобой.

Виталик смирился, хоть это было и нелегко. Ночами ему снилось, как Любу ебут ее клиенты, а он смотрит и не смеет подойти.

Это было унижительно, но и почему-то сладко, безумно сладко и запретно.

Шло время, а сны не уходили. Они давили на него тем сильнее, чем; чем меньше было клиентов у Любы.

— Знаешь, с тобой так хорошо, что мне все противней и противней делать это, — говорила Люба полгода спустя. — Никогда не думала, что так будет. Интересно, что мы с тобой жрать будем, а?

Сны не отпускали Виталика, и однажды он во всем признался.

— У меня уже месяц никого не было. Ну и ну, — удивилась Люба. — Значит; Значит, ты хочешь, чтобы я; чтобы мы;

— Так, стоп, — сказал Серега. — Слышь, в натуре, что за сказки?

— Влюбленный юноша; благородная проститутка; любовь-морковь; Кто в это поверит? — поддержал его Юрик.

— Тягомотина. Чуть не уснул;

— Пацаны, вы что, мне не верите? — возопил Мишаня.

— А чему тут верить? Что мы, малолетки, что ль?

— Да причем здесь малолетки?; Да вы; да я;

— Что «ты»?

— А то! Этот Виталик, к вашему сведению; короче, никакого Виталика нет. Это все я.

— Что «ты»?

— А то!!! Все это со мной было. Про себя я рассказывал, ясно?

— Про тебя-я-а?

Юрик, привставший с дивана, шумно плюхнулся обратно. Серега сделал то же самое.

— Ты точно не врешь, а?

— Да говорю вам! Мамой клянусь!..

— Мдааа; — Юрик вытянулся на диване. — Понимаешь, Мишаня, какое дело, — говорил он, глядя в рюмку. — Понимаешь, как оно; А ведь я тоже про себя рассказал. Все это со мной было. Анечка — это моя жена.

— И я; — сказал Серега.

— Что? И ты?

Мишаня и Юрик повернулись к нему.

— Ага; А что тут такого? Мы с Гулькой уже 18 лет, считай, вместе.

— Охренеееееть;

Мишаня налил себе и залпом выпил.

— Ну, пацаны, мы и даем с вами; Ну и компашка подобралась, мать твою в очко!..

— Да уж. Порочный мы народец. Пропаций.

— Таким женам изменяем;

— А ведь и правда — конченные мы суки, — с чувством сказал Серега. — Вот ты, Юрик. Ты-то чего своей изменяешь, а?

— Как чего? Анечка хоть и такая, а; сколько ей лет, и сколько Жанне?; А ты?

— Ну; Гулька моя хоть и; а хочется же, блядь, нормальную, с руками-ногами, да выставить ее раком, блядь, по-человечески; Мишань, а ты?; Стоп.

— Что «стоп»?

— Стоп. Слушай. А Жанна-то; Это что — она?

— Кто «она»?

— Ну; твоя?

— Моя, — хохотнул Мишаня. — Она самая. Супружница.

Сергея и Юрик, оторопев, смотрели на него.

— Только ее по правде не Жанной зовут, а Любкой? Ну, чё уставились-то?

— Ах ты сука, — сказал наконец Серега. — Своей женой, блядь, торгует, и еще бабки с нас дерет?

— Пацаны, вы чё?..

— Слышь, ты! Маалчать! Рруки за голову! Не двигатьсяяаа! Гони шестьсот баксов, которые мы тебе дали! Быстрааа!..

— Как я будут гнать, если у меня руки за головой?

— Быстрааа!..

Когда за Мишаней, напуганным до полусмерти, хлопнула дверь, Серега рухнул в кресло:

— Уфффф. Во падла, а?

— Да уж, — неуверенно ответил Юрик.

— Какие же ж люди все-таки бывают, а? И как я его сразу не раскусил?

— Действительно?

— Эх. Ну что, бедный Юрик? По последней, и — кончен бал?

— Давай?

Выпили. Посидели-помолчали.

Потом Серега ушел.

Юрик остался один.

Посидел немного, глядя в окно.

Достал мобилу. Повертел ее в руках. Включил.

Нашел контакт Lubimaya — и стал строчить смс:

«Не спишь? Я скучаю?»

Он удивился бы, узнав, что в эту же минуту, кроме него, еще двое набирают смс с таким же текстом.